

1306
Историческое обозрение
№ 60. 5-го Марта 1859.

же старая оперетка: «*Le philtre champenois*», где очень мила была бенфеиантка въ роли фермерши Катерины. Бенфеионою новостью была комедия: «*Le ramphlet*», имевшая некоторый успех: въ пьесѣ осмѣиваются извѣстный классъ продажныхъ пшакъ-взточниковъ, у которыхъ перо занимаетъ место оружія и которые, изъ-за денегъ, готовы печатно оскорблять честныхъ людей клеветами и разстраивать семейное спокойствіе. Лучшая роль принадлежитъ г-жѣ Напталъ-Арно, представившей оклеветанную честную женщину, стужившую обличить низкаго пшаклиста. Въ бенфеионъ г-жи Мейеръ публичка съ удовольствіемъ прослушала новое произведение г. Октава Фелье: «*Le roman d'un jeune homme pauvre*», выдержавшее нѣсколько представлений съ большимъ успѣхомъ. Комедія эта передѣлана изъ романа; содержаніе ея разсказано въ «Иллюстраціи» въ корреспонденціи изъ Парижа, и мы замѣтимъ только, что она разяграна нашею французскою труппою очень хорошо. Г. Бертонъ съ большимъ смысломъ передалъ главную роль. Г. Леманль совершенно вѣрно представилъ добродушнаго, честнаго нотариуса. Наконецъ, въ бенфеионъ г-жи Напталъ-Арно, пріемъ, сдѣланный ей, былъ такъ шуменъ, такъ искрененъ и торжественъ, что артистка вольно прослезилась при видѣ такого вниманія и расположенія публики. Дана была пятиактная комедія: «*Centriston*», пьеса растинутая, наполненная нѣмелымъ мелодраматизмомъ. Въ комедіи представлена несправедливая мать, оказывающая болѣе любви къ одной дочери и оставляющая въ загонѣ другую, тогда какъ другая всей душой предана ей и готова на все пожертвованіе, чтобы только заслужить ея ласковое вниманіе; въ послѣдствіи мать убѣждается въ своей несправедливости и въ душѣ отдаетъ предпочтеніе младшей дочери. Роль этой младшей дочери г-жа Арно передала съ такою правдою, что вольно можно было забыть въ театрѣ и вообразить, что предъ нами происходитъ живая сцена изъ дѣйствительной жизни; особенно прекрасна была артистка въ пятомъ дѣйствіи, въ минуту объясненія съ матерью, когда дочь хочетъ убѣдить ее, что она не завидуетъ счастью старшей сестры. Успѣхъ пьесы рѣшительно зависѣлъ отъ игры г-жи Арно.

Балетная труппа постоянно являлась въ «Ариадъ» и разный балетъ «Сонамбула», въ бенфеионъ г-жи Фридрибергъ; балетъ этотъ по содержанию своему похожъ на оперу того же имени и потому нечего сказать объ немъ. Въ хореграфическомъ отношеніи онъ ничто не прибавилъ для репертуара балетовъ; только интересны *pas de deux*, которые бенфеиантка исполнила старательно, и оригинально на *Les quatres cantons*, въ которомъ, кромѣ г-жи Фридрибергъ, участвовали г-жи Муравьева, Прилуцова и Петина. Въ бенфеионъ г-жи Феррарисъ не поставили новаго балета, но онъ былъ хорошо составленъ изъ различныхъ старыхъ балетныхъ отрывковъ. Г-жа Феррарисъ съ большимъ искусствомъ и отчужденностью исполнила роль Науды въ первомъ дѣйствіи балета: «Науда и рыбакъ». Въ первомъ дѣйствіи «Ильзелъ» тоже

Руководство къ сочиненію музыки, составленное г. Гунке. Предметы и законы искусства изучаются съ двоякою цѣлью: или для того, чтобы развить эстетическое чувство и непосредственно приложить приобретенныя познанія къ собственнымъ произведеніямъ, или, изъ любознательности, чтобы и эстетически и сознательно пользоваться произведеніями искусства, принадлежющими другимъ лицамъ. Сочиненіе г. Гунке заключаетъ въ себѣ теорію правильнаго построенія музыкальной рѣчи, музыкальнаго сочиненія. Излишнимъ было бы говорить о значеніи теоріи въ музыкѣ. Теорія извлечена исторически изъ анализа произведеній самыхъ замѣчательныхъ композиторовъ. Въ теоріи есть неизмѣнные законы, основанные на законахъ природы, есть правила и софиты, не замкнутые однаковъ въ извѣстные предѣлы: они пополняются и измѣняются даровитыми представителями искусства. И тѣ пути, которыми гениальный композиторъ шелъ къ разширенію предѣловъ искусства, не нарушая основныхъ его законовъ, тѣ способности, какіе употребляли талантливые люди къ развитію музыкальныхъ идей, хотя и своеобразно, но подъ влияніемъ принятыхъ правилъ и методовъ, представляють замѣчательное искусство въ одной любви значительности наблюденій чрезвычайнаго интересны. И такъ изученіе искусства, будучи ли оно приложено непосредственно къ собственнымъ произведеніямъ, или къ чужимъ, не будетъ трудомъ напраснымъ. Въ послѣднемъ случаѣ изученіе это ляжетъ въ основу критическихъ способностей, въ настоящее время столько же важныхъ, какъ и самое творчество, смотря по силѣ талантовъ и образованія.

Эти мысли возникаютъ по поводу издаемаго г. Гунке руководства къ сочиненію музыки. Независимо отъ того, что радуется почитателю даровитого и знающаго свое дѣло преподавателя музыки, мы съ особеннымъ удовольствіемъ заносимъ въ свои столбцы извѣщеніе объ этомъ изданіи между прочимъ и потому, что предпринятымъ изданіемъ пополняется пробѣлъ въ нашей литературѣ: въ ней, сколько намъ извѣстно, еще въ первый разъ появляется ученіе о мелодіи. Здѣсь въ слогомъ, но ясно изложено, мы получаемъ полное понятіе о изобретеніи и образованіи мелодическихъ фразъ, о развитіи ихъ, съ примѣрами, объясненіями разными выраженія мелодіи и подробное объясненіе ритма.

Руководство это раздѣлено на три части: ученіе о мелодіи, о контрапунктѣ, и о формахъ музыкальныхъ произведеній. Первое изъ этихъ отдѣленій выйдетъ въ скоромъ времени. Но авторъ, желая придать этому сочиненію и издѣлство изданія, рѣшается приступить къ окончанію этого дѣла не иначе, какъ по подиктѣ, принимаемой въ нотномъ магазинѣ Бернарда, на Невскомъ-просекѣ въ нотномъ магазинѣ Морской. Подписная цѣна 2 руб. серебромъ.

Очевидно почтенный авторъ не увѣренъ въ томъ, найдется ли въ Россіи столько желающихъ приобрести его сочиненіе, чтобы изданіе, нѣсколько роскошное, могло выкупить издателю за печатаніе. Можетъ быть авторъ имаеть даже

Сколько недосказаннаго было въ этой жизни! Борись страдалъ отъ невѣгодъ своего положенія: съ чувствительною и гордою душою, онъ былъ заключенъ въ границы, которыя бытность и низкое происхожденіе въ то время, богѣе чѣмъ пшакъ, полагали дозволеннымъ человеку. Съ другой стороны, сильный и способный въ званіи сельскихъ хозяйствомъ, онъ мало смислялъ въ денежныхъ дѣлахъ. Восприимчивый къ самымъ тонкимъ впечатлѣніямъ природы, одаренный быстрымъ соображеніемъ и богатомъ, пылкою фантазій, духъ его, какъ и у Байрона, былъ доступенъ и чувственности. Ему была дана способность услаждать человѣческую жизнь, но онъ не имѣлъ дара устроить свою собственную.

Такимъ образомъ онъ поддался формализму, которые презирали въ душѣ и развратомъ старался заглушить заботы. И жизнь его, постоянно возмущаемая неблагоприятными обстоятельствами, поразаетъ насъ необычайнымъ зрѣлищемъ испытанія и соблазновъ. Впрочемъ, не смотря на свои слабости, Борись является не только однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ поэтовъ, но и однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей прошлаго столѣтія. Онъ родился въ необыкновенно-прозаическомъ вѣкѣ; жилъ подъ гнетомъ страшной нищеты; въ молодыхъ лѣтахъ постоянно былъ принуждаемъ къ тяжелой работѣ; наукой онъ воспользовался только въ той мѣрѣ, на сколько это доступно бѣдняку. Но сила его дарованія побѣдила всѣ эти затрудненія.

Насъ восхищаетъ въ особенности добросовѣстность, съ которою онъ изображаетъ только истинныя картины и ощущенія. Отъ напыщенныхъ фразъ, которыми угощаютъ насъ наши современные поэты, пріятно обратиться къ источнику истинной поэзіи въ стихахъ этого вдохновеннаго крестьянина. Съ нами говоритъ чело-вѣкъ, существо, состоящее изъ тѣла и крови. Онъ не утверждаетъ, что создалъ изъ лучшаго вещества, нежели другіе люди, не вы-сказываетъ надеждъ прерватиста въ зѣнрѣ, не скрываетъ своихъ слабостей. Но какъ тепло, какъ богато любовью къ живымъ и даже къ неумиленнымъ предметамъ это сердце! Мы слышимъ бѣненіе его въ каждой ибѣнѣ; мы видимъ улыбку его, следу на гла-зяхъ. Въ самахъ простыхъ отношеніяхъ, въ самыхъ ничтожныхъ предметахъ находимъ очч. красоту и глубокой смыслъ. Онъ не остав-ляетъ безъ вниманія маргаритки, скошенной пшугомъ, и съ сло-вами, полными задушечной любви, кладетъ къ сторонѣ погнутое пшгиче гнѣздышко. Мысль его останавливается на лѣсномъ гнѣ-здышкѣ, на распускающемся березѣ, на бѣлыхъ цвѣтахъ бормыши-ревневъ. Онъ разсказываетъ намъ о чувствахъ, которыми напо-илъ его однажды, въ осеннее утро, крикъ стал дрожать или свѣтъ одинокой пшви. Въ Борисѣ настоящая душа поэта, изъ которой, какъ изъ золотой арфы, самое легкое прикосновеніе из-вѣстаетъ дивныя мелодіи.

Обыкновенный поэтъ не находитъ матерьяловъ тамъ, гдѣ все знакомо Борису, но истинный поэтъ не покидаетъ родины: онъ знаетъ, что элементы его искусства находятся въ немъ самомъ, что онъ всюду на своемъ мѣстѣ. Или только въ раздуваемыхъ гости-ныхъ столбахъ, у людей, обладающихъ богатствомъ и родословно-возможнаго откровения, разоблачающаго таинственнаго пружина чело-вѣческаго сердца? Развѣ нужна доказательства дворянства или доктор-скій дипломъ, чтобы имѣть право чувствовать и мыслить? Поэтъ долженъ смотреть тѣмъ глазами, которыми смотритъ его читатель, онъ долженъ говорить такимъ языкомъ, чтобы читатель его по-чувствовалъ, что самъ выдѣлъ ошсанное. Жизнь шотландскаго крестьянина была ничтожна и груба, пока Борись не описалъ ея. Также сильно потрясаетъ насъ въ стихотвореніяхъ Бориса тонъ, которымъ они написаны, и въ которомъ рѣшительность, снѣлость

позы и симпатичности. Г-жу Муравьеву оспали руколле- сканиями за великодушное *pas de deux*. За то бенефициантка поразила зрителей необыкновенною славою в ногах, и почти сверх-естественными, неудовлимыми движениями в «Венециан- скомъ парнавалъ», въ которомъ она исполнила большое *pas de deux* подъ музыку на тему Магганини. Въ бенефисе г-жи Феррарисъ оказалась замъчательная, бывавшая у насъ но- вость: г. Тамберлиникъ до сихъ поръ пѣлъ только русскіе ро- мансы, но въ этотъ вечеръ исполнилъ на русскомъ языкѣ ро- дную сцену съ хоромъ: «Дмитрій Донской», подъ музыку, исправленную и аранжированную для оркестра г. Дютчемъ; онъ спѣлъ какъ природный русскій, съ полнымъ понима- ніемъ патетическихкихъ мѣстъ; каждое слово выходило у него совершенно ясно и отчетливо. Прослушавъ прекрасно испол- ненную имъ арию: «За отчину и свободу мы готовы кровью пролить», публика съ необыкновеннымъ энтузіазмомъ алло- дировала своему любимцу. Спектакль былъ очень разнообра- зенъ и оживленъ, театр—полонъ. Бенефициантъ поднесли брильянтовая серьга и такой же браслетъ. Былъ также бе- нефисъ заслуженнаго нашего танцовщика г. Югансона, для котораго поставленъ между прочими балетными отрывками, маленькій балетъ г. Метца: «Бракъ во время регентства»; въ немъ танцовали г. жи Муравьева, Прихунова, Негина и другія. Въ тотъ же вечеръ мы видѣли вновь ангажирован- ную французскую танцовщицу, молоденькую г-жу Пуссенъ; послѣ нѣсколькихъ дебютовъ ей удалось пріютиться въ пе- тербургской балетной труппѣ. Дебютировала также и лон- донская танцовщица Лидія Томсонъ.

Нѣмецкая труппа тоже не обомлала безъ бенефисовъ. Въ бенефисе г. Лаидфохта возобновлена шиллеровская траге- дия: «Донъ-Карлосъ», но она прошла безъ особаго пріятна- го впечатлѣнія; не то время — и не тѣ артисты. Г-жа Шен- тербургъ, составила своей бенефисъ изъ двухъ самыхъ раз- нородныхъ пьесъ. Одна «*Der erste Wallengang*», пере- водъ съ французскаго. Другая пьеса «*Der böse Geist Lun- pacivabundus*», поставлена собственно для пріѣзжихъ трехъ маленькихъ артистовъ-карликовъ, которые играютъ только по-нѣмецки и потому присоединились къ нѣмецкой труппѣ. Карлики эти очень смѣшны своимъ комизмомъ и за- бавными манерами; въ нихъ, впрочемъ, нѣтъ ничего отталки- вающаго, напротивъ одинъ изъ нихъ—даже хорошъ собою. Въ представленіяхъ ихъ всегда бываетъ много публики и они вполне заслуживаютъ этого. Репертуаръ ихъ довольно обши- ренъ; у каждаго изъ нихъ есть самобытный талантъ. Недав- но пріѣхала съ нѣтербургскаго публичнаго артиста нѣмец- кая г-жа Полмертъ-Юнге, занимавшая первая роли въ дра- мѣ и комедіи; она играла даже съ Ольдриджемъ. Артистка уѣхала въ Германію.

знаемъ трудъ его весьма полезнымъ. За насъ гостеприим- ствомъ г. Гушке дѣлится съ нами своими учеными пріобрѣте- ниями именно на томъ поприщѣ, которое у насъ мало раз- вито, по недостатку на русскомъ языкѣ руководящихъ со- чиненій этого рода. Мы утѣрены также, что найдутся на Руси лица, которые съ благодарностію воспримутъ сочи- неніе г. Гушке не для одной любознательности, но для разумнаго и плодотворнаго развитія въ себѣ музыкальныхъ дарованій. Талантамъ пужки предварительныя познанія, а любители искусства пріобрѣтають гораздо болѣе удономъ- ствья, наслаждаясь сознательно изящными произведеніями.

РОБЕРТЪ БОРИСЪ.

Самый драгоценный подарокъ, какой только можетъ достаться въ удѣль известному покровителю, есть истинный поэтъ, человекъ, въ душѣ котораго живетъ тишь высшей премудрости, отголосокъ вѣчной мелодіи. Мы видимъ въ немъ свободнѣешее развитіе всего благороднаго въ насъ самихъ. Жизнь его для насъ наука, а умжа- мы ошакниваемъ, какъ смерть благодѣтеля, любившаго и уважав- шаго насъ».

1759 годъ вдвойнѣ напоминаетъ намъ эти прекрасныя слова Кар- лейла. Это годъ рожденія двухъ поэтовъ, Шиллера и Бориса. Пока не умреть въ людяхъ чувство прекраснаго, сограждане ихъ и весь образованный міръ будутъ игнать любовь и уваженіе къ памяти этихъ поэтовъ, какъ къ памяти духъ переклятыхъ талантовъ. Недавно прошель тотъ день, въ который, сто лѣтъ тому назадъ, явился на свѣтъ великій народный пѣвецъ Шотландіи. Британ- скій народъ отпраздновалъ 23-е января, какъ національное торже- ство; но къ лаврамъ народнаго славы примѣшивалась вѣтви не- чужаго кипариса. Какъ ни велика и прекрасна поэзія Бориса, насъ сильнѣе занимаетъ и глубже трогаетъ горестная драма его жизни, полной лишений, трудовъ, недостатка и горя, угасшей въ самую цвѣтущую пору. Свѣтъ пріветствовалъ его невпопадъ созна- тельнымъ ушлденіемъ, которое вскорѣ перешло въ порицаніе и пренебреженіе; и только ранняя смерть вновь пробудила уваженіе, сохранившееся къ нему до нашего времени.

Борисъ родился 23-го января 1759 года близъ Айра, въ Шот- ландіи. Познакомившись съ нѣкоторыми англійскими поэтами, и вдохновенный какъ романтическими преданіями, такъ и природою своего отечества, онъ уже въ раннемъ возрастѣ началъ за шу- томъ слагать пѣсни на народномъ нарѣчьи. Возлеченный въ без- порядочную жизнь, онъ испыталъ неудачу въ одной спекуляціи, и раздраженный несприятнымъ положеніемъ, уже собрался пересе- литься въ Вест-Индію. Но всеобщее одобреніе, съ которымъ были приняты появившіяся въ свѣтъ его сочиненія, побудило его остаться на родинѣ. Въ Эдинбургѣ онъ нашелъ покровителей, исходатай- ствовавшихъ ему мѣсто акцизнаго сборщика. Но и это положеніе не могло удовлетворить поэта, хотя дало ему возможность же- ниться на любимой женщинѣ. Арена, снятая имъ близъ Домериза, тоже не принесла ему выгоды. Отъ неудачи имъ постепенно впаде- въ такое настроеніе, въ которомъ умниѣе смѣнилось только поря- вами страстей. Эта изнурительная жизнь вскорѣ истощила его силы и онъ умеръ, 24-го іюля 1796 года въ блдой горячкѣ.

женщина, радаясь о немъ. Борисъ, по описанію Вальтера Скотта, былъ вѣршпокъ и зло- ропъ. Обращеніемъ онъ входилъ на крестьянина, впрочемъ безъ неуклюжести. Одежда его соответствовала обращенію: онъ былъ похожъ на арендатора, готовящаго въ праздничномъ нарядѣ идти на обѣдъ къ помѣщику. Въ немъ была простота или прямота, полная достоинства, которая была тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ извѣстнѣе были его необыкновенныя способности. «Еслибъ я не зналъ, кто онъ», говорятъ Вальтеръ Скоттъ, «то считалъ бы поэта за сына умнаго сельскаго арендатора старо-шотландской школы, за насто- ящаго крестьянина, не глумящагося взять въ руки плугъ. Во всехъ его чертахъ выразилось укъ и хитрость, одинъ глаза, если не оши- баюсь, говорили о поэтическомъ настроеніи души. Эти глаза были велики и темнато цвѣта; они въ буквальномъ смыслѣ жгли, когда онъ говорилъ съ чувствомъ или съ увлеченіемъ. Послѣ Бориса я ни о кого не видалъ подобныхъ глазъ, хотя былъ знакомъ съ за- мѣчательнѣйшими людьми своего времени. Въ его бесѣдѣ выра- жалась совершенная самоувѣренность, но безъ мажорнаго сабда дерзости. Въ кругу ученыхъ людей того времени онъ говорилъ съ величайшею твердостью, но безъ всякаго желанія выказаться; а если не раздѣлялъ мнѣнія другихъ, то не колебался объявить это, хотя съ величайшею скромностію. Безъ мажорнаго желанія упо- рить Бориса утверждаю, что я не встрѣчалъ еще человека, ко- торый въ сущности и по нѣржности былъ бы менѣе его подер- женъ смущенію въ обществѣ людей, стоящихъ выше его, какъ по знанію, такъ и по образованію».

Таковъ былъ человекъ, для котораго свѣтъ не нашелъ болѣе при- личнаго занятія, какъ поручить ему браниться съ контрабандистами и хозяевами кабаковъ, исчисляя акцизы на сало и измѣрять шва- рьяныя бочки. Впрочемъ, свѣтъ никогда не поступалъ иначе. Тассъ изымалъ въ домъ умалишенныхъ, Камюенъ умеръ уличнымъ на- цимъ, Галлей, за свое отравленіе, былъ награжденъ темничей, Мильтонъ, сочиняя свой «Потерянный Рай», былъ бѣденъ, Сер- вантесъ писалъ свое безсмертное сочиненіе въ долговой тюрьмѣ. Борисъ не имѣлъ права ронгати; свѣтъ оказался благосклоннѣе въ отношеніи его, чѣмъ въ отношеніи другихъ великихъ поэтовъ. Выпосенъ въ его несчастьіи былъ не столько свѣтъ, сколько самъ скептицизмъ, эгоизма и будничности, когда не понимали истин- наго благородства и мѣсто его занимала безобразная, пустая гор- дость. Впечатлительный по природѣ, онъ не могъ не поддаваться вліянію этой эпохи.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько словъ Карлейля о Борисѣ: «Въ нашемъ состраданіи и удивленіи онъ нашелъ мавзолей, драго- цѣннѣе мраморнаго; творенія его никогда не исчезнутъ изъ па- мяти. Между тѣмъ какъ Шекспиръ и Милтъонъ, подобно могу- щимъ потокамъ, катятся по областямъ мысли и несутъ на волнахъ своихъ цѣлыя флоты куническихъ судовъ и лодокъ трудолюбивыхъ водолазовъ, этотъ маленькій источникъ также привлекаетъ нашъ взоръ, потому что и онъ прекрасное твореніе природы; и онъ бѣнокъ и свободно выражается изъ гдѣр ея. Но развѣ странникъ свер- нетъ сюда съ большой дороги, чтобы напиться изъ чистыхъ струй его и подъ тѣною скалы и деревьевъ, окружающую его, погу- рится въ тѣхъ размышленіе».

за ны
ь уча-
дизни
ь пав-
то по-
леніе,
ли во-
теоной
и Мо-
ригла-
стѣзъ-
з онять
долже-
и ста-
Врида-
жа изъ
аль же
въ время
земъ на
о одинъ
гъ была
ной изъ
ворять,
и Деме-
пріедеть
це.
е было
в, Нап-
цузской
интсти-
кусми,
шия; са-
показы-
дѣ чело-
разнымъ
рической
стараш-
нахъ. И
бенефисъ
не кото-
г; въ ней
лю и что
длгства.
Славно-
«Les fo-
тому что
ана так-